

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р98

Рябов, Олег.

Р98 Девочка в саду и другие рассказы / Олег Рябов. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Мастера прозы).

ISBN 978-5-699-89904-3

Перед нами — сборник рассказов удивительного писателя. Так чувствующего весь трагизм и комизм человеческой жизни, так тонко способного передать ее шум и ярость, что, кажется, его живые герои, их простые и странные истории всегда были с нами, мы не могли их не знать, не могли вместе с ними не жить. Каждый рассказ остается привкусом удивления на губах, запахом, облачком смыслов вокруг тебя, читающего... Кажется, автор знает вещество жизни от и до. Мастер работает без нажима, на полутонах. Органика стиля такова, что, когда заканчиваешь читать эту книгу, какое-то время еще смотришь вокруг глазами писателя — и любой пустяк кажется прекрасным.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89904-3

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

МАСТЕРА ПРОЗЫ

Олег Рябов

ДЕВОЧКА В САДУ И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Директор редакции *Е. Капъёв*

Ответственный редактор *И. Воеводин*

Литературный редактор *И. Кузнецова*

Редактор *Л. Гречаник*

Художественные редакторы *С. Власов* (обложка), *Е. Анисина* (макет)

Верстка *Н. Зенков*

Корректоры *Н. Калининченко, Л. Юсупова*

В оформлении обложки использованы фотографии:

Oleksandr Kolesnyk, maxmacs, jakkapan / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Эндүрүшү: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251-58-12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты Эндүрүші «Э»

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,

Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж

International Sales: International wholesale customers should contact

Foreign Sales Department for their orders.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Эндiрген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 23.05.2016. Формат 84x108^{1/32}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-699-89904-3

В электронном виде книгу издательства вы можете купить на www.litres.ru

ЛитРес:
Мир книг для всех

СОДЕРЖАНИЕ

Лёд.....	5
Дебаркадер.....	14
Щука.....	26
Лошадь как лошадь	30
Пирог с визигой.....	35
Вася Татарин	45
Наше вам кисточкой	55
Карат, сын Каяра.....	64
Леночка.....	75
Девочка в саду	84
Ягодка — вишенка — сушеная груша.....	97
Быльё.....	117
Лавочка Даля.....	125
Соляной мужик	132

Взгляд со скамейки	138
Лалла Рук.....	147
Первый выстрел	155
Странная библиотека.....	164
Дилижанс	174
Влюбиться в жрицу	182
И приснится же.....	197
Фонтан в горах.....	201
Агдам	211
Про Василису Васильевну	220
Память подвела.....	227
Чудо	240
Про зубы.....	256
Никоретте	269
Поиграй за меня.....	278
Шестой размер	287
Диктатор.....	291
Чужая медаль	303
Илья Семенович развелся	312
Рижский диалог	327
Душу купил	335
Разговор за соседним столиком	344

ЛЁД

Отец штопал охан, развешенный на плетне, красивой деревянной рыбацкой иглой. Было раннее утро, и куры яростно разгребали хищными лапами навозную кучу, выискивая там что-то полезное для себя. Я вышел на зады, чтобы пописать, и, не замеченный, наблюдал за отцом — как тот босиком, в черных семейных трусах и короткой рубашке-распашонке, старательно работал. У отца худые длинные ноги бегуна-стайера, они у него не просто длинные и красивые; подошвы их твердые и жесткие, как кирзовые сапоги: он ходит по скошенной стерне и не чувствует. У него и на пальцах рук такая же кожа: чтобы узнать, есть ли напряжение в сети, он поплевывает сначала на пальцы, а потом уже берется за оголенные концы провода. Еще у отца необычные старинные круглые очки, трехдневная выразительная

щетина и седые редкие волосы, прикрывающие раннюю плешину.

Вечером поплывем на рыбалку. Охан — это такая рыбацкая снасть: сеть, связанная мешком и насаженная на трехметровый металлический прут, этот прут тащится веревкой по дну реки и тралит рыбу, которая оказывается в длинной пятиметровой мотне. Особенностью такой рыбалки всегда считается надежда на стерлядь, речную носатую красавицу, поскольку она придонная рыба. Отец любит плавать с оханом. Он готов плавать и летними теплыми ночами, и осенью при морозящем дожде, а особенно весной, в ледоход, когда приходится кружить между огромными льдинами, выискивая удобные полыньи. Он приглашает на эту рыбалку и соседа дядю Игоря, и дальнего родственника, друга детства, дядю Шуру. Сегодня мы поплывем вдвоем: я уже взрослый, мне двенадцать лет.

Мы живем на даче в Татинце, старинном волжском селе, стоящем на высоком берегу, с заколоченной церковью и маленькой пристанью. Мама ранней весной приезжала сюда, чтобы снять этот дом на все лето. Хозяева живут в летней части, а в нашем распоряжении большая горница с печкой, кухня и пустой скотный двор с сеновалом. Нам каждое утро приносят крынку молока и десяток яиц. В селе три порядка домов, и везде живут дачники. Их много. Они организовывают свой отдых: построили волейбольную площадку, вместе ездят купаться на пески, на другой берег Волги, компаниями

ходят за грибами, за орехами, а по вечерам собираются у кого-нибудь, пьют чай, разговаривают.

Во всей этой летней дачной жизни самое деятельное участие принимает отец. Его очень любят ребята — и городские, и местные. Он с удовольствием занимается с ними, ему нравятся их проказы, он за них всегда заступает. А вот со мною он всегда строг и суров. Я его понимаю: отец должен быть суровым и требовательным к своему сыну, особенно если сын уже взрослый.

Ночь теплая, светлая. Этот свет струится откуда-то с неба — наверное, из-за редких высоких облаков. На моторе мы поднимаемся вверх почти до Работок, а вот спускаться надо на веслах. Я знаю, как надо грести, и мы работаем почти молча. Отец сидит на транце лодки, надежно контролируя конец веревки, к которой прикреплен охан, смотрит в сторону и только изредка командует: «Потабань левым», «Разворачивайся, будем вынимать».

Я разворачиваю лодку, вынимаю одно весло, а отец, быстро перебирая веревку, вытаскивает охан, кладет прут вдоль борта и выбирает мотню. Стерлядь нам попадает почти всегда, причем крупная, мерная, от полкило и выше. Стерлядь можно ловить и бреднем, по пескам, но там одни «гвоздики» мелкие — только сеть рвать. А вот по ямам пройти оханом — есть смысл.

Когда Волга была рекой, а не каскадом водохранилищ, она вскрывалась весной всегда в одно время: в наших краях в середине апреля, а двадцать

второго уже навигация начиналась. Вообще Волга — правильная река, на юг течет, и сначала лед у Волгограда сойдет, потом у Казани, а наш уже по чистой воде в Каспий поплывет. Не то что какая-нибудь Обь: в верховьях весна, трава зеленеет, талые воды лед разорвут, поднявшись, а тому плыть некуда: вниз, в Обской губе, в Салехарде зима стоит, минус двадцать, о весне и слыхом не слыхивали. Вот и прут эти льдины на берег, выворачивая с корнем деревья и снося на своем пути целые поселки.

Ледоход на Волге надо не только увидеть, но и услышать: выйти на берег не в городе, под Чкаловской лестницей, а где-нибудь в безлюдном месте, на высоком венце, среди только что выпустивших свои первые тощие сережки молодых березок, и услышать этот весенний звон. Тысячи льдин, сталкиваясь и ломаясь, создают этот ни с чем не сравнимый и не передаваемый словами звук звенящих колокольчиков.

Вот эти два-три-четыре дня, пока в сумасшедшем звоне и веселье прут по реке голубые, желтые, розовые горы льда, и есть самое уловистое время для местных деревенских рыбаков, живущих по берегу. Да и самое ожидаемое: так долго они не спускали на воду лодки и не садились на весла. Выберут полыню побольше, чистое поле воды среди ледяных гор — и кружат по нему на веслах. А стаи, просто тучи обезумевшей от весны рыбы тоже тут. Эти рыбы всю зиму задыхались в своих ямах без кислорода и теперь сошли с ума: не видят, не слышат

и не боятся ничего — выгребай их прямо мешком, прямо на дно лодки.

Мы тоже с папой плаваем с оханом в этой полынье. Грести трудно: все время под весла попадают мелкие льдины, но они мешают еще сильнее больших — те хоть видно, от них уйти можно. Солнце светит, стоит звон и — азарт в душе непонятный от такого фестиваля.

Потом небо затягивается тучками, начинает моросить дождь, и мы остаемся на своей лодке в полынье одни — остальные рыбаки отловились. Дождь показался мне сначала теплым, но очень быстро он превратился из морозящего в секущий, со льдистым снегом. И полынья быстро уменьшилась: она была с футбольное поле, а теперь не больше десяти метров, и берега не стало видно. И путы стали соскакивать с кочетков: путы — это такие кольца из пеньки, которые набрасываются на колышки, торчащие из бортов лодки, — кочетки.

Папа зачем-то велел мне снять средние стлани у лодки и сесть на дно, а сам взялся за весла. Но у него тоже плохо что-то получалось. Тогда он вынул весло и стал отталкиваться от надвигавшихся льдин. Один раз он треснул меня крепко по голове, перенося весло с борта на борт, но даже не заметил. Я тоже вроде как не заметил, хотя в голове загудело.

Долго мы продвигались к чистой ото льда полоске воды вдоль берега и ткнулись в него, зеленющий прошлогодней травой и покрывающийся

на глазах снежной кашей, свалившейся вместе с первым весенним дождем. Я хотел с облегчением вздохнуть, но по напряжению, с которым папа уселся на прибрежный лед, снял сапоги и, засунув мокрые носки в карман ватника, снова их натянул, понял, что трудности еще не кончились. Главное, что создавало напряжение, это то, что папа почти все время молчал, словно не замечая меня. В этот момент, сидя на холодном берегу под секущим, просто режущим дождем, он смотрел на меня, сидящего на дне лодки, и о чем-то напряженно думал. Но это длилось очень недолго.

— Пойдем бечевой.

— Это как?

— Вытряхни воду из сапог и сними носки. А пойдем, как бурлаки ходили: я буду тащить за цепь, а ты бери весло, упрись им в нос лодки и отталкивай его от берега. А я буду тащить.

Только теперь папино напряжение передалось и мне: я понял, какая большая работа нам еще предстоит. До домика бакенщика было километра с три — так нас снесло, и домик этот не было видно из-за стоящего стеной дождя. Хотя уже без снега и льда.

Весь берег Волги стал для меня в тот день большой цельной замерзшей льдиной, покрытой слоем песка и мусора, который скользил под ногами, а весло все время срывалось и падало, и лодка упиралась в берег. Я тоже падал. Приходилось снова принаравливаться и упирать весло в нос лод-

ки, и тогда папа снова тащил ее, а я снова падал. Это длилось вечно, но силы не оставляли. Лишь приходило осознание безбрежности времени и целесообразности творимого. И еще наваливалось ощущение, что должно произойти что-то экстраординарное. И это случилось.

Огромная многометровая льдина, выползшая на берег, преградила нам путь. Наверное, это называется торосом. Она была с метр толщиной и плоско лежала на берегу, и плоско спускалась в ледяную воду. Папа перекинул через нее лодочную цепь и обошел ее, а я забрался на плоскость льдины с веслом и попытался, отталкивая нос лодки, обвести ее вокруг. Ничего у меня не получалось. Да и сам я в какой-то момент понял, что скольжу по льдине вниз, лежа на животе, в реку, в эту черную холодную бездну. И весло выпало из рук и уже булькнуло туда...

Было не страшно. Но почему-то вспомнилась вся жизнь. Мне — двенадцать. А когда я был маленьким — лет семь, мы играли в партизан в кремле, и наш командир Сашка Гармошкин (самая «фашистская» фамилия для меня с тех пор) счел меня предателем и велел повесить. Меня привязали за ноги веревкой и повесили вниз головой с обломка кремлевской стены — невысоко, метра три. Вот тогда было страшно, потому что партизанский отряд ушел, но меня спасли местные мужики, они пришли с бутылочкой, чтобы посидеть в полыни и полюбоваться закатом. Они отвязали меня

и серьезно сказали, что Гармошкина надо не повесить, а расстрелять.

Сейчас было не страшно — рядом был папа. Страшно и обидно было во втором классе, когда мы с Толькой Вашмановым с нашего двора и братьями-двойняшками Пчельниками из нашего класса пошли кататься на льдинах под только что построенный трамплин. Меня на моей маленькой льдине понесло вниз, а они напугались — я видел, как они напугались, — и бросились домой. А я потом мокрый до нитки или по пояс, да не важно, сначала по Откоосу, а потом вдоль трамвайной линии шел до дома и всю дорогу плакал — было обидно.

Я вспоминал все это, пока сползал по льдине в холодную бездну черной весенней реки. Я видел, как папа медленно снимает сапоги и медленно забирается на мою льдину. Я видел его красивые жилистые ноги — сапоги он снял. На правой ноге у него был раздроблен большой палец — он его подставил под падающий немецкий трофейный трансформатор, на моих глазах. Тогда я был совсем маленький. Напряжение в сети было 127 вольт, а трансформатор давал 220, чтобы крутить моторчик, на котором папа точил кухонные ножи. Трансформатор стоял на окне, мама его случайно задела, и папа подставил ногу под этот тяжеленный железный блок, чтобы не сломался нужный прибор.

Я сполз уже к самой воде, когда папа добрался до меня и поднял мою ничего не чувствующую от холода руку на цепь лодки. Я судорожно

и намертво ухватился. Потом мы выбрались на берег. И лодку вытащили. Папа велел мне снять сапоги и вылить воду. Сам он махнул рукой куда-то в сторону домика бакенщика и, буркнув: «Я пошел за мужиками», скрылся за сеточкой морозящего дождя. Он скрывался как-то постепенно — просто растворился. А я остался. Я все вглядывался-вглядывался, но ничего не видел: ни деревни, ни отца. Он растворился в дожде, а я сидел на льдине, и мне не было холодно...

— Ты чего, приехал тишком, не заглянул, сидишь тут три часа, да, наверное, и не собираешься в гости-то? А если бы я тебя в бинокль не разглядел?

Передо мной стоял Колька, внук того бакенщика Василича, к которому когда-то любил ездить папа. Он спустился вниз, с горы, на своем «Патриоте», замечательном вездеходе.

— Поедем в хату, самогонки выпьем! Ты весь промок — дождик же идет. Наверное, лет пять уже у нас не был, забыл?

— Да, пять. А молока нальешь?

— Да не жалко, чай.

ДЕБАРКАДЕР

Какой добрый человек, а точнее, какая сволочь позвонила жене — не понятно. Только Василий, вернувшись с работы домой, получил по полной программе: и потаскун, и грязная тварь, и неблагодарная скотина, и, главное, конечно, то, что грешников Господь покарает, и то, что вот будет он, Васька, помирать, и ни одна живая душа — ни она, ни дети к нему не подойдут и не проводят, и глаза не закроют. А умирать он будет от какой-то страшной болезни: то ли от сифилиса, то ли просто сгниет заживо. И хоть бы одно матерное слово, а то ведь все точно, аргументированно, да еще с фактами, комментариями, филологическими и физиологическими экскурсами. А когда нет матерных слов, значит, всё продумано заранее.

Василий сидел, не раздевшись и не разувшись, и очумело слушал всю эту ахинею, наверное, це-

лый час, пока ему не надоело. После чего рывкнул:

— Да пошла ты!

И жена пошла. Она не торопясь, обстоятельно подкрасилась у зеркала, взяла сумочку и, не хлопнув дверью, а заперев ее снаружи, ушла молча. Василий попил чаю с пряниками и уселся смотреть телевизор. И только часа через три до него стало доходить, что что-то тут не так. Супруге уже не двадцать лет, чтобы вот так убежать и сейчас на кухне у какой-нибудь подружки сидеть — пить «Каберне», курить и лясы точить. В ее возрасте несолидно «на половичке у двери» или в креслице прикорнув. Значит, она подготовилась к этому уходу! А куда?

Ближе к ночи Василий решил, что пора волноваться. Но по телефону все подруги жены очень холодно говорили с ним, будто знали о каком-то его грехе, а за свою приятельницу совсем не волновались, ровно давно ждали от нее такого поступка. После третьего звонка Василий задумался: что же с ним случилось такого, о чем он сам не знает? Но вывод он сделал один: все это женская солидарность, и надо звонить мужикам! Но каким мужикам звонить? И тут он вспомнил про младшего своего брата Вовку. Общались они с братом редко, если не сказать, что почти не общались. Так уж сложилось или не сложилось.

У Вовки с детства были определенные способности, удивительные способности: он знал! Знал то, что знать нормальному человеку было просто